

И. Н. Воротынцев [I. N. Vorotyntsev]

УДК 328.7

**СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И УГРОЗ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ****THE SYSTEM OF POLITICAL RISKS AND THREATS TO NATIONAL
SECURITY OF RUSSIA IN THE NORTHERN CAUCASUS**

В статье рассмотрена система политических рисков и угроз национальной безопасности на территории Российской Федерации, в частности, на Северном Кавказе. Причины весомой социальной и политико-идеологической почвы терроризма в СКФО не устранены, что делает необходимым качественное совершенствование антитеррористической политики РФ.

The article describes a system of political risks and threats to national security in the territory of the Russian Federation, in particular in the North Caucasus. Causes of weighty social, political and ideological terrorism in the North Caucasus Federal District of the soil have not been eliminated, making the necessary qualitative improvement of the anti-terrorist policy of the Russian Federation.

Ключевые слова: национальная безопасность, терроризм, антитерроризм, Северный Кавказ, экстремизм.

Key words: national security, terrorism, anti-terrorism, North Caucasus, extremism.

Религиозный экстремизм и терроризм является ведущей угрозой национальной безопасности России в республиках Северного Кавказа. Это доказывается как степенью ущерба государству, обществу и гражданам, так и восприятием в общественном мнении. Акты политического насилия и целенаправленного устрашения общества имеют в макрорегионе в основном религиозную идейную аргументацию, совершаясь под прикрытием доктрины радикального исламизма [1]. Это делает насущным прикладной анализ основных параметров и тенденций развития религиозного экстремизма и терроризма, выяснение общих закономерностей и особенностей феномена как в диахронном аспекте (на различных этапах с 2000 г.), так и в сравнении различных регионов.

Необходимо начать с определения базовых аналитических категорий – религиозного экстремизма и терроризма, раскрыть их взаимосвязь и различия. Экстремизм следует трактовать в качестве идеологии и политической практической деятельности, направленных на достижение целей субъектов политики противоправными насильственными методами. Целями экстремизма выступают разрушение существующего общественного и государственного строя, разжигание розни и конфликтов, установление диктатуры и системы дискриминации «врагов» (иноверцев, этнических и мигрантских групп, лиц иных политических взглядов и т.д.) [2]. В отличие от терроризма, экстремизм может не выражаться в практическом насилии и устрашении. Наиболее широким, «зонтичным» понятием является политический экстремизм. Основными видами экстремизма на Северном Кавказе в 1990–2000-х гг. следует признать этнический, религиозный, политический. Причём в условиях традиционного общества и высокой религиозности северокавказского населения на деле указанные виды экстремизма переплетены. Радикализация ислама на Северном Кавказе не является самостоятельной причиной терроризма, а одним из многофакторных следствий системного экономического и социально-политического кризиса общества.

Терроризм целесообразно определить как идеологическую доктрину и основанную на ней политическую практику систематического преднамеренного устрашения общества путем влияния на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, для достижения противоправных политических интересов [3]. Авторитетный эксперт Дж. Арас подчеркивает, что субъектом терроризма являются «организованные структуры, действующие вне формата государства» [4], в т.ч. – глобальные и международные. Но принципиально важно отметить, что идеологии, организационные формы и методы терроризма применяют также государства и военно-политические блоки.

Основными чертами современного терроризма выступают: идеологически мотивированное и организованное насилие; систематическое преднамеренное устрашение общества и государства; повышенный уровень опасности вследствие возросшей возможности террористов использовать достижения глобализации и техногенной цивилизации. Террористическая деятельность, согласно Федеральному Закону РФ №35-ФЗ «О противодействии терроризму», включает в себя [5]:

- организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- подстрекательство к террористическому акту;
- организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;
- террористический акт.

Содержательно понятие экстремизма иное, чем «терроризм», но в прикладной политологической литературе они зачастую используются как синонимы (В .Д. Дзидзоев, Н. Н. Левченко, С. Я. Суций) [6]. Многие авторы описывают практические проявления экстремизма и терроризма, но не дают их теоретического определения [7]. Из сформулированных выше определений, очевидно, что и в политико-прикладных, и в правовых целях противодействия экстремизму и терроризму необходимо их разграничивать.

Религии, их отдельные догматы, институционально-организационные формы и обрядовые проявления могут использоваться для идеологического обоснования экстремизма и терроризма. Но сама по себе религия как общественный системный феномен не является «виновной» в корыстных противоправных действиях с целью захвата власти, истребления либо дискриминации иноверцев и «отступников». В анализе причин политизации ислама на постсоветском Северном Кавказе, как подчёркивает конфликтолог В. А. Авксентьев, целесообразно взять за основу синергетический подход, учитывая взаимодействие разнородных факторов [8]. Методологически полезна также модель «воронки причинности». Она первоначально разработана американскими политологами (А. Кэмпбеллом, П. Конверсом, У. Миллером и др.) [9] для анализа избирательных кампаний, но даёт возможность ранжировать факторы любого политического процесса, в т.ч. – террористической активности. Например, низкий уровень промышленного производства, натурализация сельского хозяйства и технологическая отсталость экономики республик повлекли за собой архаизацию общественных институтов и практик. Чрезмерная, неконтролируемая рождаемость многих региональных сообществ вкупе с прекращением «отхожих промыслов» за пределами своей республики вызвали демографическое перенапряжение, безработицу, рост межэтнической конкуренции за престижные социальные статусы и власть. Этноклановая система внутри народов Северного Кавказа стала конкурентным преимуществом, как и особенности социокультурных норм поведения – коллективная солидарность, восприятие политики как «конфликта с нулевой суммой», в котором проигравший теряет всё и покоряется сильному победителю [10].

Объективным состоянием сообществ Северного Кавказа к концу советской эпохи следует признать неорганичную и незавершенную модернизацию, качественное стадийное отставание макрорегиона (с оговорками для Ставропольского края и республиканских административных центров – полиэтничных городов) от соседних областей и краёв Юга РСФСР.

По мере эскалации сепаратизма и этнополитических конфликтов на рубеже 1980–1990-х гг. становилось всё более ясно, что захватить власть в макрорегионе реально только путём архаизации общества под прикрытием «национального и религиозного возрождения». В пользу политизации ислама на Северном Кавказе сработал и провал попытки создать секулярный сепаратистский режим в Чечне по турецкому образцу (1991–1993 гг.) [11].

Важно выявить степень авторитета данных институтов и соответствующих им политических практик патрон-клиентарных, клановых отношений. Радикализация и абсолютизация конфессиональной принадлежности, её совмещение с этничностью вносит вклад в ухудшение ситуации. По выводам социологического опроса, проведённого под руководством Б. В. Аксюмова в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, Ставропольском и Краснодарском краях осенью 2009 г., считали религиозную идентичность «очень важной» для себя 67,4 % респондентов – представителей народов Кавказа и 30,1 % русских; «важной» – соответственно 23,5 % и 34,2 %; «маловажной» – 5,8 и 19,8 %; «совсем не важной» – 3,3 % представителей народов Кавказа и 15,9% русских [12]. Ещё красноречивее итоги социологического опроса, приведённые московским психологом О. С. Павловой [13]. По пятибалльной шкале чеченцы оценили роль шариата в регулировании их поведения в 3,45 баллов, общегосударственных законов – в 2,90 баллов; обычаев и традиций, норм народной морали – по 2,88 балла; норм своего тейпа – 2,73 балла. Сходная ситуация среди ингушей. Это свидетельствует о разнонаправленных векторах развития русского и автохтонного сообществ: к секулярной либо теократической моделям роли религии в общественной жизни. По сути, в республиках Северного Кавказа после распада СССР сложился полиюридизм (нормы шариата подменяют официальное законодательство Российской Федерации), что влечёт за собой создание структур параллельной (теневой) власти.

Активная деятельность по пропаганде радикальных трактовок ислама, недостаточная конкурентоспособность «традиционного» ислама привели к тому, что политические ориентации части жителей северокавказских республик, прежде всего – молодежи, оказались в достаточной степени совместимыми с экстремистскими учениями, обеспечивающими идеологию террористического подполья. В условиях религиозного «возрождения», переросшего в исламизацию, и слабости альтернативных идеологий нарастает идентификационное отчуждение республик Северного Кавказа от России, усиливается ценностно-идеологическая детерминация экстремизма и терроризма в макрорегионе.

Важны итоги анкетных социологических опросов, характеризующие отношение жителей Северного Кавказа к проблемам экстремизма и терроризма. Так, в ноябре 2010 г. проведен опрос учителей истории и обществознания средних школ Дагестана (выборка 117 чел., пропорциональная по этничности, местности проживания и возрасту) [14]. Среди опрошенных преобладает осуждение экстремизма. Но 27 % респондентов не одобряют действия правоохранительных органов в отношении экстремистов; 70 % допускают, что среди уничтоженных при задержании могли быть невиновные; 69 % считают неоправданным разрушение жилья при задержании боевиков. 6,8 % учителей не исключают перспективу введения шариата в Дагестане или других республиках Северного Кавказа. По итогам опроса 2008 г., проведенного Институтом религиоведения и коммуникативистики совместно с кафедрой философии Дагестанского государственного университета, 22 % респондентов на вопрос «В каком государстве (светском или религиозном) Вы хотели бы жить?» ответили, что в религиозном, организованном и функционирующем по нормам шариата [15]. Т.е., сложилась достаточно массовый слой сочувствующих идеям религиозного радикализма, из которого могут вербоваться участники противоправных акций.

Следует учитывать и тип религиозно-политической доктрины, обосновывающей экстремизм и терроризм. Как доказали ведущие религиоведы (А. В. Малашенко, А. А. Игнатенко, Л. Р. Сюкияйнен, И. П. Добаев, А. А. Вартумян), [16] речь идёт о внутриисламском конфликте умеренных и радикальных, фундаменталистских течений. Согласимся с выводами И. П. Добаева: исламский радикализм исходит из жёсткого деления мира на мир ислама и мир неверных; из замкнутости уммы – общины правоверных. Радикализм требует замкнутой и жестко дисциплинированной политической организации, убеждённости и сплочённости приверженцев, абсолютного контроля над ними со стороны руководства. Он оправдывает насилие по отношению к иноверцам [17]. Религиозный экстремизм нацелен на возбуждение межконфессиональной вражды и конфликтов, террор, принудительное изменение государственного строя либо захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государств. Идеологемы салафизма (упрощённо называемого ваххабизмом) таковы [18]: непримиримая защита единобожия (таухид), отказ от почитания могил и мавзолеев шейхов, роскоши, увеселений, празднования маулида (дня рождения пророка Мухаммада), любых новшеств (бид'а). Такфир (уличение в неверии) приравнивается салафитами к самому страшному греху – вероотступничеству, в чём обвиняют всех правоверных, не принимающих догматику, политику или обряды ваххабитов. Вероотступничество, по доктрине салафизма, карается смертью. Ваххабиты превратно трактуют джихад, понимая под ним только вооружённую борьбу и не только с кяфирами (неверными, язычниками), но и с лицемерами и вероотступниками, которыми объявлены все, не разделяющие учение ваххабизма.

Экстремизм, вопреки публицистическим оценкам, может проявляться не только в салафизме (ваххабизме), но и в «традиционном» для Северного Кавказа исламе, для которого характерны различные мазхабы (суннитские богословско-правовые школы). Ареалы распространения последних часто совпадают с этническими границами. Это связано также с разной глубиной исламизации народов Северного Кавказа: Дагестан, Чечня и Ингушетия исламизированы значительно прочнее, чем Северо-Западный Кавказ. Мазхабы ханбалитов и маликитов считаются более жёсткими по организационным правилам и идеям, а ханифиты и шафииты – более мягкими. По мнению А.В. Малашенко, фундаменталистские взгляды легче проникают в шафиитский мазхаб, чем ханифитский. Это связано с идейной близостью шафиизма и ханбализма, составляющего основу ваххабизма [19].

Таким образом, северокавказский ислам не представляет собой идеологического и организационного целого, что облегчает деятельность «нетрадиционных», в т.ч. экстремистских течений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добаев И. П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. М.; Ростов н/Д, 2011. С. 13-18.
2. Добаев И. П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. М.; Ростов н/Д, 2011. С. 7; Боташева А. К. Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегии противодействия: автореф. дисс. ... д-ра полит.наук. Краснодар, 2009. С. 25.
3. Арас Дж. Четвёртая мировая война: информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. М., 2003. С. 10.
4. Дзидзоев В. Д., Левченко Н. Н. Сепаратизм, терроризм и экстремизм на Северном Кавказе: политико-правовой анализ. Владикавказ, 2008; Суций С. Я. Северный Кавказ: Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013.
5. Алиев А. К., Арухов З. С., Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007; Современный политический экстремизм... С. 547-589.

6. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. Г. Г. Матишова, Н. И. Голубевой, В. А. Авксентьева. Ростов/Д, 2011. С. 66-72.
7. Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. The American Voter. N. Y., 1980.
8. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформаций социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003. С. 219; Сущий С. Я. Северный Кавказ... С. 16-85, 126-288.
9. Саватеев А. Д. Мусульмане Чечни между адатом, шариатом и исламским революционизмом // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002. С. 284-307.
10. Авксентьев В. А., Аксумов Б. В. Портфель идентичности молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социс. 2010. №12. С. 25.
11. Павлова О. С. Некоторые результаты изучения структуры этнокультурных ценностей чеченцев и ингушей. Режим доступа: <http://www.fpo.ru/etnopsy/pavl-cencheching.html>
12. Малучиев Г. С. Учителя истории о социально-политической ситуации в Дагестане, вызванной ростом экстремизма // Образование против экстремизма. Махачкала, 2011. С. 221-229.
13. Муртузалиев С. И. Роль школы и вуза в воспитании культуры общения в молодежном социуме Дагестана (некоторые социологические аспекты проблемы) // Проблемы консолидации народов Северного Кавказа. Нальчик, 2008. С. 288-296.
14. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006; Игнатенко А.А. Ислам и политика: Сборник статей. М., 2004; Сюкияйнен Л. Р. Шариат, обычай и закон: координаты правового бытия российского мусульманина. М., 1999; Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003; Вартумян А. А. Национальный вопрос и вызовы национальной безопасности РФ // Мат.всер. науч. конф. «Университетская наука – 2016». Пятигорск: Изд-во ПФ СКФУ, 2016. С. 7-11.
15. Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003. С. 373-377.
16. Ярлыкапов А. А. Кредовакхабита // Вестник Евразии. 2000. №3(10). С. 114-137.
17. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 56.
18. Федеральный Закон РФ №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.
19. Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта. №4014.

REFERENCES

1. Dobaev I. P. Terrorism i antiterroristicheskaya deyatel'nost' na Yuge Rossii. M.; Rostov n/D, 2011. S. 13-18.
2. Dobaev I. P. Terrorism i antiterroristicheskaya deyatel'nost' na Yuge Rossii. M.; Rostov n/D, 2011. S. 7; Botasheva A. K. Terrorism kak faktor sovremennykh politicheskikh protsessov: determinatsiya, proyavleniya, strategii protivodeystviya: avtoref. diss.... d-ra polit. nauk. Krasnodar, 2009. S. 25.
3. Aras Dzh. Chetvertaya mirovaya voyna: informatsionno-analiticheskii spravochnik po negosudarstvennym voenizirovannym sistemam. M., 2003. S. 10.
4. Dzidzoev V. D., Levchenko N. N. Separatizm, terrorizm i ekstremizm na Severnom Kavkaze: politiko-pravovoy analiz. Vladikavkaz, 2008; Sushchii S. Ya. Severnyy Kavkaz: Realii, problemy, perspektivy pervoy trety KhKhI veka. M., 2013.
5. Aliev A. K., Arukhov Z. S., Khanbabaev K. M. Religiozno-politicheskii ekstremizm i etnokonfessional'naya tolerantnost' na Severo-Vostochnom Kavkaze. M., 2007; Sovremennyy politicheskii ekstremizm... S. 547-589.
6. Yug Rossii v zerkale konfliktologicheskoy ekspertizy / pod red. G. G. Matishova, N. I. Golubevov, V. A. Avksent'eva. Rostov/D, 2011. S. 66-72.
7. Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. The American Voter. N. Y., 1980.
8. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsiy sotsiokul'turnogo statusa. Rostov n/D, 2003. S. 219; Sushchii S. Ya. Severnyy Kavkaz... S. 16-85, 126-288.
9. Savateev A. D. Musul'mane Chechni mezhdru adatom, shariatom i islamskim revolyutsionizmom // Musul'mane izmenyayushcheyasya Rossii. M., 2002. S. 284-307.
10. Avksent'ev V. A., Aksyumov B. V. Portfel' identichnosti molodezhi Yuga Rossii v usloviyakh tsivilizatsionnogo vybora // Sotsis. 2010. №12. S. 25.
11. Pavlova O. S. Nekotorye rezul'taty izucheniya struktury etnokul'turnykh tsennostey chechentsev i ingushey. Rezhim dostupa: <http://www.fpo.ru/etnopsy/pavl-cencheching.html>
12. Maluchiev G. S. Uchitelya istorii o sotsial'no-politicheskoy situatsii v Dagestane, vyzvannoy rostom ekstremizma // Obrazovanie protiv ekstremizma. Makhachkala, 2011. S. 221-229.
13. Murtuzaliev S. I. Rol' shkoly i vuza v vospitanii kul'tury obshcheniya v molodezhnom sotsiome Dagestana (nekotorye sotsiologicheskie aspekty problemy) // Problemy konsolidatsii narodov Severnogo Kavkaza. Nal'chik, 2008. S. 288-296.
14. Malashenko A. V. Islamskaya al'ternativa i islamskiy projekt. M., 2006; Ignatenko A.A. Islam i politika: Sbornik statey. M., 2004; Syukiyaynen L. R. Shariat, obyчай i zakon: koordinaty pravovogo bytiya rossiyского musul'manina. M., 1999; Dobaev I. P. Islamskiy radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika. Rostov n/D, 2003; Vartumyan A. A. Natsional'nyy vopros i vyzovy natsional'noy bezopasnosti RF//Mat.vser.nauch.konf. «Universitetskaya nauka - 2016». Pyatigorsk: Izd-vo PF SKFU, 2016. S. 7-11.
15. Dobaev I. P. Islamskiy radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika. Rostov n/D, 2003. S. 373-377.
16. Yarlykapov A. A. Kredovakhabita // Vestnik Evrazii. 2000. №3(10). S. 114-137.
17. Malashenko A. V. Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza. M., 2001. S. 56.
18. Federal'nyy Zakon RF №114-FZ ot 25 iyulya 2002 g. «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti» // Rossiyskaya gazeta. 2002. 30 iyulya.
19. Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 6 marta 2006 g. №35-FZ «O protivodeystvii terrorizmu» // Rossiyskaya gazeta. 2006. 10 marta. №4014.

ОБ АВТОРЕ

Воротынцев Игорь Николаевич, соискатель кафедры истории и философии права Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) «Северо-Кавказского федерального университета», г. Пятигорске. 357500, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56. E-mail: ivorotyncev@mail.ru. Тел. 8906-468-33-80

Vorotintsev Igor Nikolaevich, Competitor of the Department of History and Philosophy of Law Institute of service, tourism and design (branch) of North-Caucasus Federal University, Pyatigorsk, 357500, Pyatigorsk, pr. 40 let Octobrya, 56, phone: 8906-468-33-80, e-mail: ivorotyncev@mail.ru.

**СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И УГРОЗ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

И. Н. Воротынцев

В условиях традиционного общества и высокой религиозности северокавказского населения виды экстремизма – этнический, религиозный, политический переплетены. Радикализация ислама на Северном Кавказе является не самодостаточной причиной насилия, а одним из многофакторных следствий системного экономического и социально-политического кризиса в макрорегионе. Активная деятельность по пропаганде радикальных трактовок ислама, недостаточная конкурентоспособность «традиционного» ислама привели к тому, что политические ориентации части жителей республик, прежде всего – молодежи, оказались совместимыми с экстремистскими учениями, обеспечивающими идеологию террористического подполья. В условиях религиозного «возрождения», переросшего в исламизацию, и слабости альтернативных идеологий усиливается ценностно-идеологическая детерминация экстремизма и терроризма в макрорегионе.

**THE SYSTEM OF POLITICAL RISKS AND THREATS TO NATIONAL SECURITY OF RUSSIA
IN THE NORTHERN CAUCASUS**

I. N. Vorotintsev

In the context of traditional society and high religiosity of the population of North Caucasian kinds of extremism – ethnic, religious, political intertwined. The radicalization of Islam in the North Caucasus is not self-sufficient cause of the violence and one of the consequences of multifactor system of economic and socio-political crisis in the macro-region. Active work to promote radical interpretations of Islam, the lack of competitiveness of «traditional» Islam led to the political orientation of the citizens of the republic, first of all – youth, were compatible with the extremist teachings, providing the ideology of the terrorist underground. In terms of religious «revival», which grew in the Islamization and weaknesses of alternative ideologies enhanced value-ideological determination of extremism and terrorism in the macro-region.